

Baranskaja, Natal'ja Vladimirovna

Чулков и Новиков в 1769-1770 гг. : (письмо М.Д. Чулкова к Н.И. Новикову в "Парнасском щепетильнике")

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná. 1960, vol. 9, iss. D7, pp. [82]-99

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/107795>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Н. БАРАНСКАЯ

ЧУЛКОВ И НОВИКОВ В 1769—1770 ГГ.

(Письмо М. Д. Чулкова к Н. И. Новикову в „Парнасском щепетильнике“)

Имена двух русских писателей XVIII века Михаила Дмитриевича Чулкова и Николая Ивановича Новикова обычно упоминаются рядом, когда говорят о полемике сатирических журналов 1769 г. При этом писатели, расходившиеся в понимании задач сатирических журналов, выглядят как антагонисты. Действительно, если при изучении этой полемики ограничиваться несколькими высказываниями Новикова о журналах Чулкова и теми колкостями, которыми обменялись Чулков и Эмин, выступивший в журнале Новикова „Трутень“, что Чулков и Новиков предстанут перед нами только как литературные противники.

Однако, привлечение более широкого материала сатирических журналов 1769—1770 гг. позволяет говорить о сложных отношениях между писателями, которые хотя и спорили по ряду вопросов, но объединялись в борьбе с деспотизмом Екатерины II и крепостничеством, в сочувствии крестьянству и трудовому народу.

Данная работа не только использует сатирические журналы 1769 г., но и предлагает вниманию читателя до сих пор не попадавшую в поле зрения исследователей статью, опубликованную Чулковым в конце 1770 г. Статья эта значительно дополняет наши представления об отношениях Чулкова и Новикова в 1769—1770 гг.

В ноябрьской книжке второго и последнего журнала Чулкова „Парнасский щепетильник“ помещено письмо к „г. Сочинителю“ Это довольно большая статья, в которой подводятся итоги журнальной деятельности Чулкова. Анализ ее убеждает в том, что она написана самим Чулковым и адресована Новикову. Письмом к „г. Сочинителю“ заканчивался определенный период в отношениях двух писателей, связанный с журнальной полемикой 1769 года.

При освещении этой полемики обычно останавливаются на нескольких наиболее ярких моментах. Об отношениях Новикова и Чулкова судили главным образом по особенно резкой стычке, происшедшей между журналом Новикова „Трутень“ и журналом Чулкова „И то и сё“ в июле. В XII листе „Трутия“ было помещено письмо за подписью NN (написанное самим Новиковым).¹ Это письмо в довольно резкой форме задевало Чулкова и его журнал. Новиков отвечал в этом письме на высказывание Чулкова о журналах 1769 года, помещенное в 24-м и 25-м выпусках, т. н. „неделях“ журнала „И то и сё“.² Чулков выразил мнение, что журналы 1769 г. однообразны, что вместо „важного“ и „многополезного“ „сочинители“ этих журналов докучают читателю излишними спорами. „По моему мнению — говорит Чулков — Пчела и ежемесячные академические издания несравненно сих лучше“.³

Возражение Чулкова против споров и „ссор“ в наиболее острый момент полемики „Трутня“ с журналом Екатерины II „Всякая всячина“ возмутило Новикова. Призыв Чулкова к миру между журналами в такой момент был удобен для „Всякой всячины“, с трудом отбивавшейся от наскоков „Трутня“. Вот почему в XII листе „Трутня“ Новиков говорит о родстве журнала Чулкова со „Всякой всячиной“ („его и матери его журналы“).⁴ Чулков был сильно задет этими словами, как и фразой „видно, что соки его ума уже высохли“.⁵ И все же в своем ответном выступлении (письмо за подписью Д. П. в 28-й неделе журнала) Чулков старается держаться спокойного тона, хотя и называет „Трутень“ „неприятелем рода человеческого“. Из ответа Чулкова можно понять, что он возражает против тона и приемов сатиры „Трутня“, которые он называет „язвительной критикой“ и „грубостью“. Чулков возвращается к ранее высказанной мысли, что полемика, заполняющая журналы, не интересна читателю, что ему нужен журнал, приносящий „иногда пользу, иногда увеселение“. Таким ему кажется его „И то и сѣ“.

Возражая против бурной журнальной полемики, в частности против поединка „Трутня“ со „Всякой всячиной“, Чулков не мог возражать против отношения Новикова к Екатерине II по существу и вот почему.

В III и IV частях „Пересмешника“, изданных в 1768 г., Чулков выразил свое отрицательное отношение к императрице и ее правлению. Через волшебного-авантюрные повести „Пересмешника“ проходит тема недостойного государства и страдания народа под его властью. Тема эта дается отвлеченно, в духе политико-нравоучительных романов, подобных „Телемаку“ Фенелона. Однако отдельные конкретные штрихи показывают, кого именно имеет в виду автор. Так например, рассказ о бедствии народа под властью царя тирана и развратника содержит намёк на обстоятельства воцарения Екатерины II — „супругу свою умертвил он своими руками“ (ч. III, 79).

О положении наследника престола Павла, с которым связывала свои надежды оппозиционно настроенная часть общества, напомнила песня некоего наследника, заключенного в темницу (ч. IV, 122).

На страницах „Пересмешника“ разбросаны черты русской действительности: то „расчесанная деревня“, где невозможно найти куска хлеба (ч. I, 77), то „дубинное сражение“ крестьян двух деревень из-за земли (ч. III, 206—207), то проезжие отбирают у крестьян лошадей и продовольствие (ч. III, 200), или солдаты обижают крестьян (ч. III, 206).

Иногда в „Пересмешнике“ можно найти текст, который выпадает из повествования, вроде следующего: „Придет благополучие тех людей, которые до сего времени изнуряемы были различною тяготою и которые невинно стояли под бременем варварского поколения; а оных находится целое государство“ (ч. IV, стр. 115—116). Приведенное здесь не исчерпывает социальной темы в „Пересмешнике“.⁶

Как бы ни была иногда наивна форма, в которой Чулков отзывался на злободневные социальные вопросы в „Пересмешнике“, все же его критическое отношение к Екатерине II и самодержавно-крепостническим порядкам было выражено достаточно определенно.

Понятно, что Чулкова должны были задеть язвительные слова Новикова о „родственных“ чувствах к Екатерине II. Чулков отвечает Новикову целым каскадом выпадов против журнала Екатерины и самой императрицы. Он говорит о „бабке“, как именовали журнал Екатерины другие журналы, что „ду-

шевные дарования “ослабевают” в преклонном возрасте, что она возненавидела людей, и в заключение предлагает „от старости ослабевающий разум оставить в покое“ (письмо „Д. П.“, 28-я неделя).

Возражал Чулков против полемики, разгоревшейся летом 1769 г., потому, что, по его мнению, она не могла быть доступна широкому кругу читающей публики. Нельзя забывать, что передовые журналы в своей войне с империатрицей прикрывались щитом эзоповского языка. Чулков считал, что словесные битвы, полные намеков, иносказаний и аллегорических картин, не могли быть понятны всем. Вот почему Чулков в своем первом журнале часто иронизировал над эзоповским языком, хотя и сам прибегал к этому приему.

Чулков, отвечая в 28-й неделе „И того и сего“ на письмо „NN“ в XII листе „Трутня“, не удержался от того „ругательного тона“, против которого высказывался ранее. Вслед за письмом „Д. П.“ Чулков помещает в том же номере грубые стихи „Аз не без глаз“, направленные против Эмина и его „Российской истории“. Эмин отвечал Чулкову не менее грубыми стихами, озаглавленными „Задача“. Адресат был прямо назван в „решении“: „По мнению моему писатель сей таков, как вздел бы кто кафтан, не вздев сперва чулков“ (подчеркнуто мною — Н. Б.). Стихи Эмина, так же как предшествующий им ответ на письмо „Д. П.“, подписанный буквами Б. К. (Бес кривой), были помещены в XIV листе „Трутня“.

И в заметке и в своих стихах Эмин колет Чулкова в самое больное место, попрекая его происхождением из социальных низов („Возможно ли, чтоб тот разумно написал, кто вместе с молоком невежество сосал . . .“). Упрекая Чулкова в „скудости разума“, в невежестве, зависти и пр., Эмин в этом выступлении не высказывается ни о характере полемики, ни о направлении журналов. Тон Эмина груб и высокомерен.

В поле зрения исследователей попадал обычно этот поединок между Эминым и Чулковым, но стихи, которыми обменялись писатели, не содержали ничего принципиально важного.⁷

Иное дело обмен мнениями между Чулковым и Новиковым, в которых выявляются их взгляды на характер сатиры, содержание и задачи сатирических журналов. Чулков ратовал за включение в сатирические журналы материала, представляющего познавательную ценность, за сочетание этого материала с занимательным легким чтением; Новиков же боролся за политическую актуальность журналов. Вот в чем заключалось основное расхождение между Чулковым и Новиковым в 1769 г.

Последим последовательно высказывания Новикова о журналах Чулкова.

Первую оценку журнала Чулкова „И то и сё“ Новиков дал в VIII листе „Трутня“ (16 июня) в письме Чистосердова, принадлежащем самому Новикову, где говорится о задачах и границах сатиры, а журнал Чулкова противопоставляется „Трутню“.

Чистосердов приводит слова некоего „придворного господчика“, возмущенного тем, что „Трутенъ“ „зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая, де, смелость не что иное есть, как дерзновение“. Дальше „придворный господчик“ говорит, что „гораздо было бы лучше, ежели бы, де, он обирал около себя и писал сказочки или что-нибудь посмешнее, так как другие писатели журналов делают“.⁸ Перефразировка неудачного выражения Чулкова „шучу около себя“, употребленного им в программной статье журнала (неделя 2-я), указывает на то, о каком

именно журнале идет здесь речь. То, что похвалы Чулковскому журналу вложены в уста „придворного господчика“, подчеркивает беззубость и, следовательно, бесполезность, с точки зрения Новикова, сатиры Чулкова.

Противопоставление задач „Трутня“ задачам журнала Чулкова скрывается и в сатирическом объявлении листа XVIII (25 августа) „издателью „Трутня“ для наполнения еженедельных листов потребно простонародных сказок и басен, ибо из присылаемых к нему сатирических и критических пиес многих не печатают“.

Вскоре после этого „Трутень“ высказался за прекращение споров или „неприятных браней“ (письмо за подписью „Милосерд“, лист XX, 8 сентября). Этот призыв к миру между журналами повторился в „Трутне“ через две недели опять (лист XXII, 22 сентября). Вероятно перебранка журналов, которая сопутствовала полемике Новикова с Екатериной II, стала мешать Новикову развивать основную тематику „Трутня“. Новиков понимал, что печатанье „браней“, подобных стихотворениям Чулкова и Эмина, снижает общественную ценность журналов. Вот почему „Милосерд“ призывает журналы идти своим путем и не мешать друг другу.

Новиков стремился сплотить журналы в борьбе с самодержавием Екатерины II. Он требовал от Чулкова включения в эту борьбу по примеру журналов „Смесь“ и „Адская почта“. Новиков имел основания ждать большей политической активности от Чулкова, автора „Пересмешника“, в котором провозгласило отрицательное отношение писателя к правлению Екатерины II. Осторожность Чулкова-журналиста раздражала Новикова.

В конце концов Новиков, как будто, отказывается от мысли привлечь журнал Чулкова к политической борьбе. „Милосерд“, призывающий журналы к миру, предлагает каждому из них делать свое дело: „Вы все разные имеете способности; пусть один из вас проповедывает добродетель и пишет наставления, а другой пусть осмеивает пороки и, писав сатирические сочинения, исправляет нравы; третьей пускай рассказывает сказки и тем забавляет маломысленных людей... Вот вам мирные договоры, согласитесь их подписать... исполняя сие, вы все будете полезны и нам милы“...¹⁰ Из перечисленных „Милосердом“ задач трех журналов ясно, что речь идет о „Всякой всячине“, „Трутне“ и журнале „И то и сё“.

Затем до конца года Новиков больше не касается журнала Чулкова.

Как реагировал Чулков на критику Новикова?

Рассмотрим сначала высказывания Чулкова о критике вообще и критике в его адрес, а затем проследим, как отразились критические выступления Новикова на содержании журнала „И то и сё“.

В первых же листах журнала Чулков говорит о пользе критики для „сочинителей“, но это должна быть „критика со вкусом“ (9-я неделя), „... труднее со вкусом и со справедливостью критиковать, нежели безо вкуса и несправедливо сочинять“ (5-я неделя). „Здесь таких людей весьма мало, которые бы со вкусом критиковать могли“ (9-я неделя).

Не отрицая полезности критики вообще, Чулков с трудом переносил критику, относившуюся к нему самому. Чулков был болезненно самолюбив, это было самолюбие человека, которого неоднократно попрекали „низким“ происхождением.

Чулков постоянно, начиная с предисловия к I части „Пересмешника“, говорит о „низком достоинстве“ своего происхождения. Он человек в „сером

кафтани“, „не из тех людей, которые стучат по городу четырьмя колесами“, его „почти совсем не видят между великолепными гражданами“, он „мелкотравчатый“.

В ответ на упреки в невежестве Чулков неоднократно указывал на недостаточность своего образования: „Я . . . от рождения моего не учился правильно ходить . . . следовательно и винить меня не должно, ежели я в чем и проступился, а разве укорять только тем, для чего я пропустил мои молодые лета, . . . не учился танцевать“ (9-я неделя). Вступая на трудный путь писателя, Чулков ждет дружеской поддержки и совета. В „предуведомлении“ к „Пересмешнику“ Чулков обращается к своим „знакомцам“. Он просит, чтобы „в доказательство своей дружбы, прочитав сию книгу, открывали бы приятельски мои в ней погрешности, что будет служить к моему поправлению“.¹¹

Это и есть та критика, которая по убеждению Чулкова приносит пользу писателю.

Но критика первого журнала Чулкова в „Трутне“ носила совсем иной характер. Это была именно та критика „язвительных остроумцев“, которую Чулков совершенно не выносил,

„Язвительные брани“ причиняли страдание Чулкову. Если в начале своего творческого пути Чулков мечтал о признании („со временем может быть и получу сие счастье, что назовут меня сочинителем“),¹² то, заканчивая издание первого своего журнала, он говорит о творчестве с подлинной горечью и разочарованием: „Изрядной Сочинитель лестное и ушам приятное наименование, но из сего златоу сосуда нередко вкушаем мы пельнь, а не сладость“ За малейшую погрешность на сочинителя обрушивается „туча хулы“ и „не увидит он ни откуда себе помощи. . .“ „И хотя судьба, — говорит Чулков, — положила на меня должность весельчака, но душа моя прискорбна“ (48-неделя).

В последних выпусках журнала Чулков подводит итоги 1769 г. Он выражает недовольство собой: зачем „несправясь в архиве мелкого моего понятия, дерзнул я сочинять годовой журнал“. Особенно интересно то, что Чулков говорит дальше: „... связался я с людьми учеными, сам будучи ничему не поучен, и был я между ими так, как мужа между Цаплями. Временной их гнев тревожил меня несказанно, но я как малая тварь всегда находил место, где бы мне от них укрываться, и, благодаря щастливую мою судьбину, остался цел и нераздавлен“ (52-я неделя).

Это признание Чулкова не только подтверждает тяжелую реакцию писателя на критику Новикова, но также свидетельствует, что Чулков в издании журнала был связан с определенной группой писателей.

Мы уже говорили, что Чулков защищал такой тип журнала, в котором политическая тематика не являлась бы преобладающей. Однако это не значит, что Чулков совершенно отказывался от актуальной политической темы.

Так, например, в 24-м выпуске своего журнала Чулков ответил на „Сказку о мужичке“, напечатанную во „Всякой всячине“, автор которой Екатерина II в аллегорической форме пыталась доказать бесполезность сословных споров в Комиссии по составлению нового уложения. Императрица обвиняла депутатов („портных“) в том, что они не справились с задачей упорядочения законов (не смогли спить „новый кафтан“ для „мужичка“), несмотря на то, что им был дан „Наказ“ („образцовый кафтан“), которому было достаточно, по ее мнению, следовать.¹³

Чулков отвечает императрице аллегорией о кафтане, принесенном в переделку к портному. Кафтан нескладен, он вызывает смех у всех, кто его видит, портной советует повесить его в *библиотеку* на стену, так как ни для чего другого он не пригоден. „Кафтан“ в аллегории Чулкова сравнивается с „сочинениями“, которые скоро выходят из моды и „уже начинают быть противными обществу“. Далее Чулков рекомендует от имени „портного“ авторам подобных сочинений: „Надобно быть в состоянии давать советы самому себе и научиться оному прежде, нежели быть сочинителем *наставлений другим*“ (подчеркнуто мною — Н. Б.). В этих словах весьма прозрачно говорится об авторе „Наказа“ и фактическом издателе „Всякой всячины“ — Екатерине II.

Однако форма, в которой Чулков выражал свои общественные взгляды, была несколько расплывчата, иносказания его временами запутаны и перегружены второстепенными деталями, излишне затемняющими смысл. Это объясняется и чрезмерной осторожностью писателя и аморфностью его социальнo-политических взглядов.

Все же Чулков стремился преодолеть свою робость. Со второго полугодия, непосредственно после спора с „Трутнем“, в журнале „И то и сё“ усиливается социальная тематика и появляются формы сатиры, подражающие „Трутню“. Уже в 29-м и 30-м выпусках журнала Чулкова мы находим принятые в журнале Новикова „ведомости“ и „подряды“.

В „ведомостях“ сообщается о „ветренных господчиках“, которые „проигрывают в карты деньги и собирают в один год по три оброка, от чего крестьяне разоряются и земли не пахут“ (29-я неделя). Усиливаются темы взяточничества, несправедливости (недели 30, 32, 33, 35, 40 и др.). Ставится новая тема эксплуатации рабочего люда в городах (неделя 42).

Вслед за „Трутнем“ Чулков начинает задевать Екатерину II и писать о некоей госпоже, которая „чаще бывает непостоянной, нежели наблюдает должность капитанской супруги“ (29-я неделя), которой потребно „верности в любовных делах до несколько тысяч пуд“ (30-я неделя), о „великой охотнице молоть почасту пустое“, у которой зубы падают от того, что она „изволит часто колотить в них языком“ (32-я неделя) и т. д.

Совершенно ясно, что Чулков, несмотря на свои разногласия с Новиковым, пытается все же выполнить его пожелания. Стремление Чулкова следовать сатире „Трутня“ свидетельствует о влиянии Новикова на Чулкова, о большом авторитете Новикова в кругу издателей сатирических журналов.

Мы видели, что разногласия 1769 г. привели к обострению отношений между Чулковым и Новиковым. Но высказывания Чулкова в конце 1769 г. о своем журнале и о критике Новикова не дают оснований говорить о разрыве между писателями. Напомним, что сам Чулков говорил о „временном гневе“, который он вызвал у „людей ученых“.

Журнал „И то и сё“ прекратил свое существование с 1769 годом. „Труть“ издавался до апреля 1770 г., смягчив свою остроту, изменив эпиграф. Из многих обращений Новикова к своим читателям под видом „писем к издателю“ ясно, что это смягчение было вынужденным, иначе Новикову не удалось бы продолжать издание.

В XV листе „Трутня“ 1770 г. Новиков в примечании к письму за подписью „Услужница ваша“, вспоминая полемику 1769 г., укоряет Чулкова в нападках „без рассуждения и без причины прямо на мое лицо“, ¹⁴ но укоряет вполне благодушно. К этому времени между писателями устанавливаются

более спокойные отношения. В IX листе своего журнала (2 марта) Новиков поместил объявление о только-что вышедшей первой части „Собрания песен“ Чулкова.

В 1770 г. число сатирических журналов резко сокращается. Издатель „Смеси“ вынужден прекратить выпуск журнала, о чем сообщает Новикову („Трутень“, 1770, л. XI). Со смертью Ф. Эмина в начале 1770 г. перестает выходить „Адская почта“. „Трутень“ продержался лишь до апреля.

Со средины 1770 г. начинают выходить два новых журнала — „Парнасский щепетильник“ Чулкова (май) и „Пустомеля“ Новикова (июнь). Это уже не еженедельники, а ежемесячные издания. Заявку на издание „Пустомели“ Новиков был вынужден оформить через подставное лицо. Оба журнала, как и вся группа передовых журналов 1769 г., базируется в переплетной Веге. Через него осуществляется подписка, он принимает корреспонденцию, переплетает и продает оба журнала.¹⁵ Журналы Чулкова и Новикова единственные в 1770 г.

Изучение этих журналов Новикова и Чулкова дают возможности говорить о новой фазе в отношениях писателей.

Приступив к своему ежемесячному изданию „Пустомеля“, Новиков помещает в первом номере статью, представляющую литературный обзор и, в частности, обзор сатирических журналов 1769—1770 гг. („То, что употребил я вместо предисловия“.) Говоря в этом обзоре о новом журнале Чулкова „Парнасском щепетильнике“, Новиков держится спокойного дружелюбимого тона. По существу его оценка направлена на улучшение этого журнала.

Свой обзор Новиков построил так: издатель „Пустомели“, якобы в первый раз приступающий к своей деятельности, рассуждает о том, каким должно быть его издание. В этом рассуждении он дает характеристику различным журналам предшествующего года, не называя их и лишь намеками указывая читателю, какой тип он считает неприемлемым для своего издания. В этом обзоре нет ничего, указывающего на „Трутень“, — из этого можно заключить, что именно этому журналу предполагает следовать „Пустомеля“.

Обзор начинается с характеристики „Всякой всячины“: „Мне и самому несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором...“ Для читателей, помнивших полемику „Трути“ со „Всякой всячиной“ в 1769 г., могло быть памятно, что Новиков называл журнал Екатерины „всяким вздором“ (л. XX).

Дальше Новиков переходит к новому журналу Чулкова. В этой части предисловия к „Пустомеле“ также указывается адресат. „Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать шурки, серьги... и прочие мелочные товары, коими щепетильники (подчеркнуто мною — Н. Б.) торгуют в деревнях..., но они обманываются. Щепетильнику нужно только трудолюбие и несколько ума для различения хороших товаров от худых, ибо и продаются оные людям не гораздо просвещенным, то есть таковым, каковы наши крестьяне и крестьянки. Но чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение, хорошей вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических, и, наконец, истинное о вещах понятие; все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко, ради чего и писатели хорошие редки не только у нас одних, но и в целой Европе“.¹⁶

Новиков излагает здесь свои высокие требования к писателю, „сочинителю

журналов". Чулков по мнению Новикова не соответствует этим требованиям.

Следующая за этим часть обзора посвящается издателям недолго просуществовавших изданий 1769 г.: „Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, но бумагомаратель. По несчастию нашему, у нас много таких писцов, кои напечатав пять страниц художого сочинения, принимают на себя название автора, будто бы авторство зависело от типографии.“ „... Они пишут все, что с ними ни повстречается, хватаются за все, начинают и никогда не оканчивают...“¹⁷ В словах о „пяти страницах художого сочинения“ и о неоконченных изданиях содержится намек на журнал В. Г. Рубана „Ни то ни сё“, издание которого прекратилось на пятом месяце, и листок В. В. Тузова „Поденьщина“, издававшийся с 1 марта до 4 апреля 1769 г.

Некоторые исследователи соединяют сказанное Новиковым о новом журнале Чулкова с тем, что говорится далее о „писцах“, не заканчивающих „худые свои сочинения“.¹⁸

Посмотрим, насколько это основательно.

Довольно большая для журналов этих лет статья Новикова состоит из сплошного текста без абзацев. По содержанию статью можно разделить на несколько частей. Та ее часть, которая посвящена обзору сатирических журналов, делится в свою очередь, на три отрывка. Каждый из них начинается однотипно словами о писателях и писательском труде: „Мне и самому несносны те авторы...“, „Многие ныне принимаются писать...“, „Кто пишет, не имевши дарований и способностей“. Начало каждого отрывка содержит намек, позволяющий отгадать адресата. В первом отрывке это слово „вздор“; во втором „щепетильник“; в третьем слова о „пяти страницах художого сочинения“.

Но не только композиция вступительной статьи „Пустомели“ убеждает нас в том, что Новиков не ставит Чулкова на одну доску с издателями начатых и незаконченных „худых сочинений“. В этом убеждает нас само высказывание Новикова о последнем журнале Чулкова.

Это высказывание представляет собой не столько оценку едва начавшего выходить журнала (издание „Парнасского щепетильника“ всего на месяц опередило „Пустомелю“), сколько подсказывает такой тип издания, который может вести Чулков, не способный, по убеждению Новикова, выступать политически остро и не имеющий всех данных, которые необходимы настоящему „сочинителю журнала“. Тип издания, предлагаемый Новиковым для „людей не гораздо просвещенных“, строится на правильном отборе разнообразного материала.

Когда Новиков писал статью для „Пустомели“, он видел лишь первые два номера „Парнасского щепетильника“, а они совершенно не подходят к тому типу издания, о котором говорит Новиков. В первых номерах преобладала сатира на литературные темы. Само название журнала было связано с замыслом развивать подобные темы, и, вероятно, подсказано Чулкову его поэмой „Плачевное падение стихотворцев“. В самом названии „Парнасский щепетильник“ уже повторялись мотивы поэмы Чулкова, заключалось снижение „высоких“ образов античности — одна из черт, характерных для развития демократических тенденций в литературе 1760—1770 гг.

Новиков, обыгрывая название нового чулковского журнала, обходит тот смысл, который вложил в него Чулков, объясняя название своего журнала

в первом номере („Парнасский щепетильник“ — „авкционист“, т. е. аукционер Парнаса, распродающий негодных стихотворцев). Для Новикова „Щепетильник“ — издатель, умеющий отобрать и донести до „негораздо просвещенных“ хорошие, доступные и полезные сочинения. Нельзя думать, чтобы Новиков иронизировал по поводу просвещения народа. Новиков понимал задачу „Щепетильника“ так: не „сочинять“, а быть трудолюбивым составителем, умело подбирать материал.

Затем Новиков переходит к тому, что значит „сочинять хорошо“ и каким требованиям должен отвечать писатель, чтобы быть *хорошим писателем*. Эта часть отрывка имеет прямое отношение к Чулкову. Она является ответом Новикова на „торжественное отречение“ Чулкова от „титула“ автора, которым Чулков начал вступительную статью „Парнасского щепетильника“.

Чулков писал: „Многие люди дают мне имя автора, не осведомясь о том, желаю ли я сим названием величаться. Титул изряден и ушам приятен; но чтобы быть действительно оным, то нахожу я в себе великие к тому неудобности и для того торжественно отрекаюсь от сего почтенного наименования . . .“¹⁹

На это долуироническое „отречение“ Новиков в своем выступлении к „Пустомеле“ отвечает, что писателя создает ряд объективных и субъективных условий, а не только его желание писать („Но чтобы уметь хорошо сочинять . . .“ и т. д.).

И реплика Чулкова и высказывание Новикова о писателе вероятно отголоски каких то больших принципиальных разговоров, частично проскользнувшие в печать (см. также „И то и сё“, недели 48, 49).

Итак, в той части вступительной статьи к „Пустомеле“, которая относится к „Парнасскому щепетильнику“, Новиков не столько оценивал первые номера нового журнала, сколько подсказывал такой тип издания, который мог бы быть полезен для более широкого круга читателей, и с которым, по мнению Новикова, мог бы справиться Чулков.

Принципиальное высказывание Новикова о деятельности и долге писателя, несмотря на общую форму, показалось Чулкову выпадом против него и его нового издания и привело к новой обиде. „Можно надеяться похвалы, а хула еще прежде начатия следует“ — говорит Чулков в июльской книжке „Парнасского щепетильника“.²⁰

Однако с третьей книжки облик журнала Чулкова начинает постепенно изменяться. Сатира на литературные темы, принадлежащая перу Чулкова, уступает место отрывкам из разных сочинений, главным образом, переводных, литературный материал сочетается с разнообразным другим, как например, „Описание города Солуна“ из рукописного труда путешественника Василия Григоровича (июль), „Рассуждения Агриппы Нетесгеймского о картежной игре“ (август), „Экономические примечания о пользе огородных корней“, содержащие в себе данные народной медицины (сентябрь) и др. Очевидно Чулков, как это было уже в 1769 г., прислушивается к критике и советам Новикова.

*

Заканчивая издание „Парнасского щепетильника“, Чулков помещает в ноябрьской книжке статью, в которой подводятся итоги его журнальной

деятельности 1769—1770 гг. Статья построена в форме письма читателя журнала к его издателю. Адресуется она „г. Сочинителю“, подчеркиваю — не сочинителю „Парнасского щепетильника“, а просто „господину Сочинителю“. С самого начала это письмо не следует обычному типу письма издателя журнала к самому себе, столь распространенному в изданиях 1769 г. и остроумно пародированному Чулковым в 45-й неделе своего первого журнала („Господин Сичинитель и Тово и Сево!“).

По содержанию письмо к „господину Сочинителю“ — это письмо непризнанного сочинителя к сочинителю признанному. Определить автора данного письма и его адресата позволяют высказывания Чулкова и Новикова о том, что значит быть „сочинителем“, писателем, а также автореминисценции из произведений Чулкова.

Заканчивая издание своего первого журнала „И то и сё“, Чулков говорил о том, что „звание“ „Изрядной Сочинитель“ достигается с трудом и дает больше горечи, чем сладости. „Судьба благоволила произвести меня на свет авторскою тенью, вручила мне перо не к поношению и не к озлоблению народному, но к увеселению и к пользе некоторых моих сограждан“ (48-я неделя). В этих словах Чулкова слышны отголоски полемики с Новиковым по вопросу о журнальной сатире и о задачах автора. Автор, кому вручено судьбой перо „к поношению“, т. е. к обличению — Новиков, а он, Чулков, перо которого служит для увеселения и пользы, всего лишь „авторская тень“. Вот почему Чулков решает совсем отказаться от имени автора, приступая к новому журналу.

Как мы видели, Чулков был задет откликом Новикова на первые номера „Парнасского щепетильника“ как „хулой прежде начала“, т. е. критикой с его точки зрения преждевременной, не располагающей достаточным материалом. Поэтому он отвечает Новикову, заканчивая издание, и как бы говоря этим, что судить следует о деле уже завершеном. Чулков неоднократно подчеркивает, что его издание доведено до конца года, не упуская при этом случая кольнуть Новикова тем, что издание „Пустомели“ после июльского номера прекратилось.

Перефразировка отдельных частей вступительной статьи Новикова к „Пустомеле“, обыгрывание названия новиковского журнала („пустое“, „пустота“ и т. д. — все это говорит о связи письма к „г. Сочинителю“ со статьей Новикова.

Более того, автор сам говорит об этой связи, еще раз указывая на журнал Новикова: „... действие без причины не бывает... На пример, ето письмо действие, следовательно не без притчины, которая... (точки в подлиннике — Н. Б.). Но я заговорился с лишком, оставя дело [...] о пустом: что ж делать!“²¹

Основной интерес письма, во-первых, в ответе Чулкова на большой принципиальный вопрос, поставленный Новиковым, вопрос о том, что значит быть писателем, и во-вторых, в отношении Чулкова к Новикову в конце 1770 г., которое раскрывается в этом письме.

„Я пишу к вам — говорит автор письма, обращаясь к „г. Сочинителю“ — не для того, чтобы заслужить бессмертие, или чтоб через вас мог быть произведен в авторы, возможно ли такую безделицею приобрести сей великолепный титул?“²²

И в самом обращении („г. Сочинитель!“) и в приведенных далее словах

скрывается полемический выпад против Новикова, отказавшего Чулкову-журналисту во вступительной статье к „Пустомеле“ в звании хорошего писателя.

Однако дело не в личной обиде Чулкова и не в тех мелких уколах, от которых он не мог удержаться, а в возражениях Новикову по существу.

„... недостатки мои точно знаю, — пишет Чулков, — знаю при том и то, что нештучки быть совершенным писателем, к тому, как сказывают, потребно довольно учение, острый разум, обильное воображение, здравое рассуждение, хорошей вкус, прямое о вещах понятие, а при том и совершенное знание природного языка с нужными правилами грамматики“.²³

Здесь Чулков не просто перефразирует определение „хорошего писателя“, данное Новиковым в „Пустомеле“, но отвечает Новикову и говорит, в чем соглашается с ним, а в чем ему возражает.

Из шести условий, которые нужны, по мнению Новикова, хорошему писателю (учение, острый разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание русского языка и правил грамматики и, наконец, истинное о вещах понятие) Чулков безговорочно принимает три: острый разум, здравое рассуждение и хороший вкус. Он соглашается с тем, что писателю необходимо учение, т. е. образование, но уточняет „довольное (достаточное — Н. Б.) учение“, он усиливает требование в отношении языка: вместо „знания свойств русского языка и правил грамматических“ Чулков требует „совершенного знания природного языка с нужными правилами грамматики“. Этому требованию Чулков придает наибольшее значение и ставит на нем интонационное ударение, отнеся его в конец перечисляемых условий, т. е. туда, где у Новикова было „истинное о вещах понятие“. Последнее условие Чулков сохраняет, заменив одно слово — „прямое о вещах понятие“ (в этой замене трудно уловить различие). И наконец, Чулков добавляет еще одно весьма существенное условие художественного творчества — „обильное воображение“, о чем забывает Новиков.

Итак, расхождение между Чулковым и Новиковым в определении данных, создающих настоящего писателя, заключалось в том, что Новиков придавал основное значение взглядам писателя („истинному о вещах понятие“), а Чулков — знанию языка и воображению.

Расходились они и в том, каким будет писатель, отвечающий всем этим требованиям. Новиков считал, что это будет „хороший писатель“, Чулков — „совершенный“.

Давая в письме к „г. Сочинителю“ положительную оценку обоим своим журналам от лица читателя этих журналов, Чулков подчеркивает, что это иной читатель, чем читатель новиковских журналов. Читатели разные, как различны и сами журналы... „Жилище мое разделено с вашим многими реками, лесами, горами, долами, пущами, болотами, вертепами и пропастями земными...“ их разделяет „верст около тысячи“.²⁴ Это, в сущности, повторение того, что говорил Чулков, заканчивая свой первый журнал: „Я сам вижу, что Еженедельник мой весьма далеко отстоит от еженеделных и других еженеделных изданий“ (46-я неделя).

Чулков отстаивает значимость сатиры „Парнасского щепетельника“, направленной против наводнивших Парнас „рифмачов“. Эта часть письма, посвященная „стихозбрдам“, „стихомарателям“ и прочим стремящимся „вскарпкаться на Парнас“,²⁵ очень близка по лексике и фразеологии к сати-

рическим статьям первых номеров журнала (например, май, статьи II—V, июль — XIII).

Письмо к „г. Сочинителю“ содержит очень важное признание. В той его части, которая посвящена „зоилам“, „уязвляющим“ Чулкова „критическими стрелами“, говорится следующее: „... но пусть разумных и знатоков в том деле Бог простит, вы и я простим так же им, не так ли?“²⁶

Чулков несколько раз в своей статье называет Новикова „разумным“ и „великодушным“. В одном месте, перефразируя статью Новикова из „Пустомели“, он говорит, что начинает „заговариваться“, перескакивая нечувствительно из одной материи в другую, из другой в третью... „как то многие, и гораздо *разумнейшия* меня, головы делают“.²⁷ „Вы как человек *благо- разумно великодушный*, в чем меня многие уверяли, в этой слабости, яко человека ж, меня извините“ (подчеркнуто мною — Н. Б.).²⁸ Перефразировка из вступительной статьи „Пустомели“ указывает, что в этих случаях имеется в виду Новиков.

Очевидно в этой части письма к „г. Сочинителю“, где говорится о прощении „разумных и знатоков“ критиков, Чулков говорит о своем примирении с Новиковым.

В этой части своей статьи Чулков нарушает принцип ее построения — двуплановость. Статья построена в форме письма читателя к сочинителю „Парнасского щепетильника“ — форма, которой постоянно пользовались издатели сатирических журналов 1769 г., многое же в этой статье говорится прямо от лица Чулкова Новикову. Один план иногда перебивает другой. Так, рассуждение Чулкова о „совершенном писателе“ адресуется Новикову, а оценка обоих журналов Чулкова дается якобы от лица читателей этих журналов и адресуется ему, сочинителю „Парнасского щепетильника“.

Таким образом, в письме к „г. Сочинителю“ сосуществуют два авторских лица и два адресата. Одно лицо — непризнанный писатель, не имеющий „великолепного титула“ автора, т. е. сам Чулков, другое — читатель чулковских журналов. Один адресат — писатель признанный, „Сочинитель“ с большой буквы, т. е. Новиков, другой — издатель журнала „Парнасский щепетильник“.

Непризнанный сочинитель, или писатель без „титула“ автора, говорит с Новиковым по принципиальным вопросам литературы, а также высказывает старые обиды и заканчивает спор, начатый в „Пустомеле“ в июне 1770 г. Второе же авторское лицо — читатель — нужно Чулкову для того, чтобы дать через него оценку своим собственным журналам и объяснить, на какие читательские круги они рассчитаны.

О примирении же с Новиковым Чулков говорит таким образом, что оно утверждается в обоих планах: „читатель“ Чулкова, обращаясь к нему, говорит: „вы и я простим ему“ (подчеркнуто мною — Н. Б.). При таком построении фразы, в каком бы из двух планов ни понималась эта часть письма, подтверждался факт примирения Чулкова с Новиковым. В этой части статьи оба плана (читатель — Чулкову и Чулков — Новикову) сводились воедино.

В письме говорится о самой большой обиде Чулкова, которая и была по всей вероятности причиной натянутых отношений с Новиковым в 1769 г. Вот что мы читаем там: „Опять я заговорился попрежнему, чему причиною или усердие мое к обществу, или ревность по вашей славе, или же известная моя

слабость: как бы то ни было, однако, естлиб не опасался я заслужить нареkanie болтливому, а паче гнуснейшей титул подлого льстеца, то, может быть, никогда не перестал бы отдавать вам искреннюю в похвале справедливость...²⁹

„Гнуснейший титул льстеца“ — это обвинение Чулкова в приверженности его к Екатерине II и ее журналу высказанное Новиковым в полемике 1769 г. (VIII и XII листы „Трутня“).

Обратим внимание еще на одну автореминисценцию. В письме к „г. Сочинителю“ говорится: „... пишу для того только, чтобы писать, имея свободные часы... лучше что-нибудь делать, нежели ничего“.³⁰ С этой же мыслью Чулков вступал на путь писателя. В „предуведомлении“ к „Пересмешнику“ мы читаем: „Мое мнение такое... лучше писать худо, чем совсем ничего не делать“.³¹

В последней части письма к „г. Сочинителю“ говорится о „предпринятом издании песен“. В этой части письма мы находим еще одно подтверждение того, что письмо к „г. Сочинителю“ написано Чулковым.

Здесь описывается ссора между Чулковым и Сумароковым по поводу правок, внесенных Чулковым в текст некоторых песен Сумарокова, помещенных в I части „Собрания разных песен“. Известно, что правка стихов Сумарокова была причиной стычки между писателями.³²

Сумароков вспоминал об этом факте с возмущением в предисловии к „Дмитрию Самозванцу“, изданном в 1771 г.³³ Употребленные Чулковым в письме к „г. Сочинителю“ при описании этого случая выражения — „взбеситься“, „пришед в отчаянье“, „сойти с ума“ — говорят о весьма резкой форме происходившего между Чулковым и Сумароковым объяснения. Эпитеты, выбранные Чулковым для характеристики некоторых „кичливых“ писателей, защищающих своих „уродов разума“, как-то „ослепленные самолюбием“, „надменные гордостью“,³⁴ также указывают на Сумарокова.

Письмо к „г. Сочинителю“ подписано двумя буквами И. Л. Их можно расшифровать, как „издатель листка“ или „листков“. В целом подпись выглядит так: „сентября 3-го 1770 года из... вы знаете откуда И: Л...“

Автор письма не раз говорит о достоинствах г. Сочинителя. Разум, великодушие, правдивость — свойственны Сочинителю, эти его черты известны многим.³⁵ В примечании к письму, сделанном уже прямо от лица издателя „Парнасского щепетильника“, Чулков помещает фразу, в которой дает знать, что все сказанное о достоинствах г. Сочинителя к нему, издателю журнала, не отнесется: „позвольте же и мне от похвалы оной отречься“.³⁶

Письмо к „г. Сочинителю“ — интереснейший документ из истории отношений Чулкова и Новикова. Дополненное фактами; почерпнутыми из журналов обоих писателей, письмо показывает, что их отношения были сложнее, чем мы привыкли считать. Новиков, выдвигая на первый план политическую активность журналов и борьбу с Екатериной II, предъявлял Чулкову довольно суровые требования, подчас не считаясь с его творческой индивидуальностью, интересами и возможностями. Чулков отстаивал свое понимание задач журнала, свою тематику. И все же, считая себя связанным, вероятно, общим планом действий с Новиковым, пытался в 1769 г. следовать „Трутню“. Мы видим, что преодолевая действительные и мнимые обиды, Чулков прислушивался к голосу Новикова и отдавал должное его высоким моральным качествам и уму.

Не все частности в письме к „г. Сочинителю“ могут быть прокомментированы и объяснены. Но мы надеемся, что самое главное, составляющее суть этого письма, нам удалось прочесть, используя в качестве „ключа“ статьи и высказывания обоих писателей в сатирических журналах 1769—1770 гг.

- ¹ П. Н. Берков. „История русской журналистики XVIII века, М.—Л., 1952, стр. 255
- ² В журнале „И то и сё“ страницы нумерованы, указываем выпуски.
- ³ Имеются ввиду журналы „Трудолюбивая пчела“ А. П. Сумарокова, 1759 г. и „Ежемесячные сочинения“ Академии наук (с 1755 г.)
- ⁴ „Сатирические журналы Н. И. Новикова“, М.—Л., 1951, стр. 91
- ⁵ „Сатирические журналы Н. И. Новикова“, стр. 90
- ⁶ На социальную сатиру „Пересмешника“ указал Р. М. Сельванюк. Автореферат кандидатской диссертации „Собрание разных песен М. Д. Чулкова“, М. 1955
- ⁷ В. П. Семенников. „Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. Разыскания об издателях и их сотрудниках“, СПб. 1914, стр. 21
- ⁸ „Сатирические журналы Новикова“, стр. 70—71
- ⁹ „Сатирические журналы Новикова“, стр. 114
- ¹⁰ „Сатирические журналы Новикова“, стр. 121
- ¹¹ „Пересмешник“, I ч., СПб. 1766
- ¹² „Пересмешник“, I ч. Предупреждение
- ¹³ „Всякая всячина“, 1769, стр. 164—168, конец мая—начало июня
- ¹⁴ „Сатирические журналы Новикова“, стр. 237
- ¹⁵ См. мою статью „Песни народного протеста“ в „Собрании разных песен“ М. Д. Чулкова. Известия АН СССР, отд. литературы и языка, т. XV, вып. 2, 1956, стр. 144—146.
- ¹⁶ „Сатирические журналы Новикова“, стр. 252
- ¹⁷ „Сатирические журналы Новикова“, стр. 253
- ¹⁸ Г. П. Макогоненко. „Николай Новиков и русское просвещение XVIII века“, М.—Л., 1951, стр. 165—166
- ¹⁹ „Парнасский щепетильник“, СПб. 1770, стр. 3
- ²⁰ „Парнасский щепетильник“, стр. 102
- ²¹ „Парнасский щепетильник“, стр. 270
- ²² „Парнасский щепетильник“, стр. 268
- ²³ „Парнасский щепетильник“, стр. 280—281
- ²⁴ „Парнасский щепетильник“, стр. 271
- ²⁵ „Парнасский щепетильник“, стр. 275—277
- ²⁶ „Парнасский щепетильник“, стр. 279
- ²⁷ „Парнасский щепетильник“, стр. 271. Ср. „Пустомеля“, „Сатирические журналы Новикова“, стр. 253
- ²⁸ „Парнасский щепетильник“, стр. 270
- ²⁹ „Парнасский щепетильник“, стр. 277—278
- ³⁰ „Парнасский щепетильник“, стр. 269
- ³¹ „Пересмешник“, часть I.
- ³² См. В. П. Семенников. „Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II.“ Пг. 1915, стр. 134

³³ Полное собр. сочинений А. П. Сумарокова, М. 1781, т. IV, стр. 63

³⁴ „Парнасский щепетильник“, стр. 281

³⁵ См. „Парнасский щепетильник“, стр. 270, 271, 278, 279

³⁶ „Парнасский щепетильник“, стр. 284

Перепечатано дословно из „Парнасского щепетильника“, СПб. 1770, стр. 267—283. Цифры в скобках — пагинация подлинника.

Г. Сочинитель!

Известно, что всякой неожиданной вещи, или действию, бывает неизменным следствием удивление: так слово в слово и это письмо принято будет вами, думаю, не без некоторого удивления; а как известно, что ничево нет в естестве ни бесконечного, ни непреходящего, по всему положены известные времена и пределы, их же не прейдут: следовательно самым тем вещам или деяниям, коим с начала по достоинству удивлялись, по простетии некоторого времени меньше, или и совсем уже не дивимся; точь вточь по- (267) следует и с письмом сим; которое с начала, как и обыкновенно бывает, заставило вас удивляться, но последование и конец его конечно вовсе истребит то, чего может быть и в духе не бывало. Подавши время употребленное на прочтение к истреблению, или показавши притчины, побудивши меня приступить к сей первой, а может быть и последней с вами переписке, когда преданием сего типу не ободрите меня впредь к продолжению.

Я пишу к вам не для того, чтоб заслужить безсмертие, или чтоб чрез вас мог быть произведен в авторы, возможно ли такую безделицею приобрести сей великолепный титул? Никак: к тому же признаюсь чистосердечно, что и не желаю онаго, будучи не весьма суетен, и несколько совестен, так, что не хочу без заслуг и достоинств дустым на- (268) званием величаться. Но пишу для того только, чтоб писать, имея свободные часы, которые, как сказывают, для нас гораздо драгоценнее, чтоб провождать их в безделье, сего то я правила, или как сказать, не знаю, держусь твердо, и мое мнение такое, да думаю, что и вы не станете опровергать оное, лучше что нибудь делать, нежели ничего: а ево ничего вить вы знаете, сколь опасна имеет следствия, я бы вам описал их подробно, выкопавши и самой их злой корень; да боюсь, что заговорясь не в силах буду порядочно конца сделать, или еще, что и легко станется, в самом начале так, может быть, зайкнушь исправно, что никогда и весь свет не дождется от меня еще ни слова.

Довольно, когда скажу, что праздность, как говорят многия, хотя не согласуясь, один называет ее матерью, другой источником, тре- (269) тий началом, четвертый коренем и так далее, но совокупно все, причиною всем злым делам, и правда: ибо действие без причины не бывает, то притчина праздность; а действия пороки, от нея происходящая, разумно ли вам? На пример, ето письмо действие, следовательно, не без притчины, которая... Но я заговорился с лишком, оставя дело о пустом: что ж делать! Прости мне, господия Сочинитель, ету слабость, она есть во мне из первейших, чтоб думать и задумываться, говорить и заговариваться, писать и записываться, (ето всю одно) перескакивая нечувствительно из одной материи в другую, из другой в третью, а иногда и больше, нередко еще при том случается, что не делая надлежащего конца и ни одной из оных. Вы, как человек благо- разумно великодушной, в чем меня многия уверяли, в етой слабости, яко чело- (270) векаж, меня извините, сочтя сей начальный вздор будто обыкновенным всгуплением в матерю, как то многия и гораздо разумнейшия меня головы, делают. Я сказал уже однажды, что ничего нет в натуре бесконечного: почему и мое дурачество, думаю, скоро кончится. Ибо я примечаю, что пора уже, оставя пустоту, приступить к делу, которое теперь же и следует.

Хотя жилище мое разделено с вашим многими реками, лесами, горами, долами, пущами, болотами, вертепами и пропастями земными; и хотя по сему разстоянию одно от другого верст около тысячи; не удивляйтесь однакож, когда услышите от меня, что я вас некоторым образом не незнаю. Так во истину; достоинства ваши, а паче, и не льстя, скажу, ко всему способной ваш разум, učinили то, что похвалныя плоды (271) онаго простерли наконец приобретенную ими славу до вершин бреггов Днепра реки. Вот где живу я! вы знаете уже, что место казалось бы такое, в котором, по вогнездывшимся соседним преисполненным

грубостию и невежеством нравам, ничто разумное и полезное терпимо быть не могло; однако, не все в силу сей сатирической на соседней их пословицы, *в долгом платье, да'не в полном разуме*. Есть между ими и такие, в числе коих мог бы и я себя по самолюбию свойственному всем смертным, поставить, но то беда моя, что я не земляк им, а частной только пришлец земли чуждей. Есть, говорю я, между ими и такие, которые не без толку, чему доказательством послужит то, что они прошлаго году получали ваше еженедельное То и Сіо, и с удовольствием читая, при всяком случае отдавали приобретенной им (272) славе справедливость, умножая оную собственными похвалами. Я так же, как и они, получал таковыя листочки, хотя по нещастию начал уже при окончании года, и не преставал наслаждаться чтением оных до тех пор, пока не протек оной и совокупно с ним не преклось ваше прелестное сочинение То и Сіо. Тщетно ожидал я его в начале настоящего года, думая, что продолжать будете непрерывно, как напоследок узнал уже, что вы для причин мне неизвестных, во все оставили продолжение сего издания. Как же я о том печалился. Не могу точно описать вам всего моего прискорбия, оно было велико, по мере того удовольствия, которое ощущал я при чтении ваших листочков. Ето я говорю без лести, будучи ужасной охотник до таких, как ваше То и Сіо сочинений, и естли в подтверждение истины слов моих, (273) потребна клятва, то кленусь вам моею честью, которая мне весьма драгоценна, и которую я никогда на безделки не меняю, довольно ли сего? По прошествии уже пяти месяцев, к неопisanному моему восторгу, вдруг увидел я в объятиях моих Парнасского Щепетильника. По среди моея радости в восхищении, которым я тогда объят был, не знал я, что делать, то брал его в руки, и осматривая кругом с особливым примечанием, клал на стол, то опять ввязиши и перевертывая в руках, любовался им не сказанно, и положе попрежнему в минуту, паки простирал к нему радивыя мои объятия, и в оных естли не обманываюсь, державши его долгое время, лобызал с неизвестным соседям моим удовольствием; а на конец, по преданному издревле в некоторой книге правилу, посто- (274) ял я мало, или по сидел, не помню дондеже утишился мой чувства, ибо до того неотваживался я приступить к чтению. Вот сколь высоко я в сочинениях ваших самого вас почитаю! Но мне кажется, что я, не наблюдая обыкновенной важности, и шутить начинаю; однако шутки в сторону, будем говорить дело. Прочитавши всіо от доски до доски, нашел я весьма много тут хорошего; и что я говорю, весьма много хорошего; словом сказать, всіо преисполнено хорошим, разумным, полезным, приятным и замысловатым.

Хвалю вас, господин Сочинитель! что предприяли вы исправлять происходящия от самолюбия пороки господ стихоплетущих рифмачов, приложившихся, по писанию, скотом несмысленным и уподобившихся им; изображая сим сумазбродам умозрительныя очки, (275) посредством коих (самолюбие на сторону) прозрят они ясно кичливость неудобь высокомернаго их духа. Я наперед предузнал, что ето сочинение обесчет крылья многим и у нас прожившимся недавно стихозбродам, которых, скажу по просту с вами, не смысла ни уха, ни рыла, и намаравши несколько, хуже еще сочиненных Королем Нумою, и певаемых салийскими жрецами, стихов, стремятся вскораяпкаться на Парнас, и самовластно обладать оным, называя все нужныя правила совершенного стихотворения ученым вздором, пустотою, и враками, причиняющими излишнее лишь и совсем не надобное затруднение, хотящим прославиться в том наилегчайшим образом. Твердо надеюсь я, что естли не престанете вы продолжением вашего Щепетильника обличать их; по крайней мере, хотя наши стихомаратели, (276) как твари несомне еще, в разсуждении ваших упившихся безумием, со временем перестанут изблевывать скаредныя плоды онаго. И больше скажу, я с восхищением вижу в некоторых головах целительное того действие, ибо многия, донныне присматриваясь пристально к описанным весьма худыми красками лицам, и находя в них не знаю какое то с собою подобие, совершенне бросили юродствовать, и принялись за разум, коего за руководством, не можно думать, чтоб когда либо учинили поползновение на прежнее безумие.

Опять я заговорился по прежнему, чему причиною или усердие мое к обществу, или ревность по вашей славе, или же известная моя слабость: как бы то ни было, однако, естли бы опасался я заслужить нареkanie болтливаго, а паче гнуснейшей титул подлага льстеца; то может быть, никогда не (277) перестал бы отдавать вам искреннюю в похвале справедливость, не имея ни каких к вам пристрастий, и не надеясь за то от вас ни какой платы. Не могу однакож не повторить еще раз, что всіо написанное о пользе вашего сочинения, написана матка правда, которая, как говорит Еврипид, не требует ни каких украшений, лже свойственно прикрывать наготу свою золотоканнкими риторства одеждами; а правда на против того сияет и в раздранном вреглице. Вить так? И я, хоть не красно, но достойное достойному воздал по справедливой возможности. Впрочем я говорю об одной

нашей провинции, и то выключая наибольшую часть невеж, до коих, как мне, так, думаю и вам мало нужды, что она однех со мною мыслей, в рассуждении ваших сочинений; а откуды не берусь ответствовать (278) за всю пространную Российскую Империю, его дело, вы сами знаете, со всем невозможное. И наверно не обиняя можно скаазать, что в толиком онои пространстве не без Зоиллов, уязвляющих ваши труды критическими стрелами, но пусть разумных и знатоков в том деле Бог простит, вы, и я, простим так же им, не так ли? Чтож принадлежит до глупых ругателей, то советую вам больше презирать их, нежели не шадя, мстить, как таких тварей, которых один ученейший в Европе муж, называет челядью, рожую в ученом обществе, навоз, вот куда только сии человекенцы годятся, а впротчем ни . . .

Теперь я постараюсь окончатъ письмо мое, хотя по нещастию, или собственной глупости, тем, чем бы оно начать надлежало; я слышал, что вы предприняли издавать собираемые вами разные песни, и (279) уже часть оных напечатана; а как я нашел между моими письмами с десятком оных, давно уже думаю написанных мною на досуге; то к вашим услугам оныя сообщаю, естли только годятся. Потому что сочиняя я их от безделия, избегая празности. Не хочу скрывать, может быть к безделью присоединились и другия причины; но скромность требует, чтоб я промолчал о том. Когдаж они покажутся вам негодными, то не опасайтесь их и бросить, я не взбешусь за его потому, что недостатки мои точно знаю; знаю при том и то, что нештутки быть совершенным писателем; к тому, как сказывают, погребно доволное учение, острой разум, обильное воображение, здравое рассуждение, хорошей вкус, прямое о вещах понятие, а при том и совершенное знание природного языка, с нужными правилами грамма- (280) тики. Во мнеж, может быть, ничего этого не заводилось, и не спрашивай пожалуй. Будеж, по неожиданному их частию, песни мои годятся, и требуют только некоторого поправления; то нетокмо позволяю, но и прошу еще, где надобно поправить, впротчем поступайте по своей воле, когда ни так ни сяк вам не покажутся достойными вменения. Я уже вас обнадежил, что не взбешусь, хотя вы их не только бросите, но раздерете в мелкия лоскутки, или предадите и огню, потому, что я не из числа тех ослепленных самолюбием и надменных гордостью кичливых бумагомарателей, которыя бы, неминуемо пришед в отчаянье, с ума сошли, когда б таким образом с их уродами разума поступлено было. Я хотя иногда и менеше их, может быть, суетен, однако в етом случае, чтоб (как говорит Ювенал) не дать (281) знать о себе не к стате, хочу показать более умерности, нежели в таковых тварях найти можно; и не хочу упрямо требовать от вас, на пример тово, чеве вам за какими либо причинами и сделать не можно, не повредя вашей славы. Паки повторяю; я даю вам полную власть над первородными плодами моего ума, и вы можете поступать с ними по вашему произволению как вам вздумается, потому особливо, что когда они будут в ваших руках, а следовательно и во власти то уже вы конечно без моего уполномочивания, и не спрашиваясь у меня, ниже дая отчет, поступите с ними как вам захочется, и делю. Да и для меня, почитая вас больше, нежели б помыслил, что вы поступите с первенцами моими жестоко и не справедливо, немеее будет и то, что вы их умертвите, как, что воскресите, (282) приятно. По последней мере я родолен буду и тем, когда вы в пред идущей месяц, припечатанным в вашем Щепетилнике ответом, благоволите учинить меня сведома, о участи, какую, как письмо ето, так и песни мои наследуют. Наконец каким бы то образом ни было, естли ободрите меня впредь к продолжению переписки с вами, то я не замешкаюсь доказать вам самым делом, что я

Ваш ревностной слуга

Сентября 3-го

1770 года,

из вы знаете откуда

И.Л. . .

ČULKOV A NOVIKOV V LETECH 1769—1770

Stat' objasňuje polemiku mezi spisovateli M. D. Čulkovem a N. I. Novikovem, k níž došlo v letech 1769—1770. V té době stál Novikov v čele vystoupení satirických časopisů proti Kateřině II. a nevolnickému zřízení.

Čulkov se vyslovil ve svém prvním časopise „I to i sjo“ (1769) proti přepřlňování satirických časopisů aktuální politickou tematikou. Obhajoval takový typ časopisu, který by přinášel nejen poznávací, ale i zábavný materiál. Čulkovovo vystoupení časově splynulo s mo-

mentem nejostřejší polemiky mezi Novikovovým časopisem „Truten“ a časopisem „Vsjakaja vsjačina“, řízeným Kateřinou II. Novikov považoval toto vystoupení za podporování listu „Vsjakaja vsjačina“.

Takovéto obvinění se silně dotklo Čulkova, který vyjádřil svůj kritický vztah ke Kateřině II. už ve svém sborníku povídek „Peresmešnik“ (č. III. a IV., Petrohrad 1768). Čulkov se však dopustil taktické chyby, neboť začal polemiku s časopisem „Truten“ právě v té době, kdy Novikov sváděl ostrý boj ve svém časopise s Kateřinou II. Nutno předpokládat, že si ji Čulkov brzo uvědomil. V každém případě sílí v jeho časopise od druhé poloviny r. 1769 sociální tematika a objevuje se v něm řada výpadů proti carevně. V těchto satirických vystoupeních následuje časopis „I to i sjo“, který byl ve všem ostatním „svěbytný, časopis „Truten“. Přejímá dokonce formu Novikovovy satiry („vedomosti“, „podrjady“ a „izvestija“).

Polemika pokrokových časopisů s časopisem Kateřiny II. velmi ztížila jejich další vydávání. Některé z nich jsou na konci roku zastaveny, jiné se snaží pečlivěji zastrít svůj charakter, jako např. Novikovův „Truten“ v r. 1770.

Od poloviny 70. let 18. století začínají vycházet dva nové časopisy — „Pustomelja“ Novikova a „Parnasskij Ščepetil'nik“ Čulkova. V těchto časopisech nacházíme ohlasy na polemiku z r. 1769. V Novikovově úvodním článku k „Pustomele“ je uveden přehled satirických časopisů z r. 1769. Dokazuje se tu v zastřešené formě správnost linie časopisu „Truten“ a čtenáři se dává na srozuměnou, že „Pustomelja“ chce následovat právě tento časopis. V tomto přehledu je věnováno několik řádků Čulkovovi, jeho prvnímu časopisu a rovněž jeho novému časopisu „Parnasskij Ščepetil'nik“, který vyšel měsíc před časopisem „Pustomelja“. Hovoří o novém Čulkovově časopise, Novikov vyslovuje svůj názor o tom, co by měl dělat spisovatel, který není s to přeměnit svůj časopis na aktuální, společensky významný. Takovýto spisovatel by měl být podle Novikovova mínění jen sestavitelem, dovedně vybírat a využívat materiál, který by mohl vzdělávat široké čtenářské kruhy. Čulkov pochopil Novikovův názor jako předčasnou kritiku sotva vydaného časopisu a opět se urazil. Charakter jeho časopisu, zamýšleného původně jen jako satira na literární témata, se však postupně mění a přináší různorodý materiál.

Spory, urážky a jimi vyvolané napětí ve vztazích mezi oběma spisovateli přesto nevedly, jak patrně z Čulkovových reakcí na Novikovovu kritiku a soudě podle obsahu jeho časopisů, k roztržce. Spisovatelé zůstali jednotni ve svém vztahu ke Kateřině II. a vystupovali různým způsobem, každý podle svých možností, proti ní a proti systému jejího panování.

Nové světlo na vztahy mezi Čulkovem a Novikovem vrhá stať, otištěná v listopadovém čísle časopisu „Parnasskij Ščepetil'nik“ — otevřený dopis k „g. Sočinitelju“. V dané práci je poprvé analyzována.

Autorské reminiscence z Čulkovových děl, reminiscence spjaté s časopisy Novikovými, s polemikou v r. 1769, parafráze z jednotlivých stať z r. 1770, zmínka v dopise o faktech z Čulkovovy biografie umožňují určit autora statí a jejího adresáta. Dopis napsal Čulkov a adresoval ho Novikovovi.

Čulkov shrnuje v dopise k „g. Sočinitelju“ výsledky časopisecké činnosti a polemiky v letech 1769—1770 a vyslovuje svůj názor na práci a význam spisovatele. Hájí tu různorodý charakter časopisů, zaměřený na různé čtenářské kruhy. Dopis Čulkova k Novikovovi obsahuje cenné doznání: Čulkov v něm hovoří o úplném usmíření s Novikovem.

V tomto dopise, napsaném ve stylu satirických časopisů z r. 1769 a hojně na jinotaje a nedořčení, nelze rozšířovat absolutně každé slovo. Avšak podstatně důležité, týkající se neshod a pozdějšího smíru mezi oběma spisovateli, bylo zjištěno. To nám umožňuje nový pohled na vztahy mezi dvěma svým způsobem zajímavými a výraznými spisovateli 18. století.

Vystoupení Čulkova-žurnalisty proti Kateřině II. a jeho vztah k Novikovovi, stojícího v čele pokrokových časopisů v letech 1769—1770, umožňuje nám považovat Čulkova za člověka stejně smýšlejícího jako Novikov, spojivšího své síly s jinými spisovateli ke splnění společných úkolů.

Přeložil J. Mandát